

И. БАЛУЕВ

Эволюция темы «О человеке» в поэзии Зинаиды Гиппиус

...Поэты, этому верному верьте:
Ведь только об этом думает Бог —
О человеке,
Любви
И смерти.

З. Гиппиус

Двадцать лет тому назад, в воскресенье 9 сентября 1945 г., тихо скончалась в Париже, в возрасте семидесяти шести лет, Зинаида Николаевна Гиппиус-Мережковская. Эта годовщина дает нам случай посильно почтить память талантливой и во многом своеобразной писательницы.

Период неизбежного литературного «чистилища» еще не закончен для Гиппиус, а потому еще преждевременно решать, что именно уцелеет из ее многочисленных и разнообразных сочинений, полное собрание которых составило бы, пожалуй, томов двадцать, а то и больше. Вполне вероятно, однако, что наиболее долговечными из писаний Гиппиус окажутся некоторые прелестные ее рассказы и, по давню, ряд ее стихотворений, так как она была еще лучшим поэтом, чем прозаиком. Но если не нам решать, какое точно место писательница займет в истории русской литературы, то отнюдь не рано, конечно, приступить, уже теперь, к изучению многочисленных вопросов, связанных с ее биографией и творчеством. Налет актуальности постепенно спадает с Гиппиус-человека и Гиппиус-артиста. Подчеркнутое «оригинальничанье» Зинаиды Николаевны и ее любовь к парадоксам, которые так раздражали и шокировали современников лет сорок-пятьдесят тому назад, теперь окончательно принадлежат истории, и мое поколение, например, знает о них лишь пона-

слышке или из книг... Таким образом, создались благоприятные условия для того, чтобы внимательно и беспристрастно проверить, насколько возможно, некоторые особо важные суждения, высказанные о Гиппиус ее современниками.

Покойный С. К. Маковский вкратце следующим образом передал то, что большинство людей думали в свое время о Гиппиус: «Сразу сложилась о ней неприязненная слава: ломака, декадентка, поэт холодный, головной, со скупым сердцем». Эту нелестную репутацию нельзя считать вполне голословной. Ряд свидетелей подробно описали в своих воспоминаниях обычно высокомерное, нетерпеливое и несколько брезгливое отношение писательницы к большинству людей, с которыми ей доводилось встречаться. При этом налицо большое количество сочинений Гиппиус, в которых, по тому или иному поводу, она высказала очень суровые суждения о человеке вообще. Однако в творчестве писательницы имеются и проблески большой нежности к своим ближним. Значит, сердце Гиппиус было, на самом деле, менее «скупое», чем казалось многим ее современникам. Почему же, в таком случае, высказывания «мизантропического» порядка настолько преобладают, в количественном отношении, в ее сочинениях? Как она сама рассматривала свое, несомненно часто появлявшееся, чувство неприязни к людям? Гордилась ли она этой отчужденностью от людей или, наоборот, в какой-то степени мучилась ею? Наконец, наблюдались ли какие-либо изменения в данной области, и можно ли, вообще, говорить об эволюции комплекса тем, связанных с человеком, в творчестве Гиппиус? Она — писатель-психолог и поэт-лирик, а потому вышеуказанные вопросы никак не узко-специальные; наоборот, они стоят, если можно так сказать, «на подступе» к изучению и ее личности, и ее главных сочинений. Но, дабы не разбрасываться, в этой статье будет говориться только о стихотворной части творчества Гиппиус.

Она сама подчеркнула в следующих стихах, — взятый нами эпиграф заимствован из них же, — исключительно важное значение общей темы «О человеке» в своей поэзии, да, по ее мнению, и во всякой «подлинной» поэзии:

Тройной бездонностью мир богат.
Тройная бездонность дана поэтам.
И разве поэты не говорят
Только об этом?
Только об этом?
Тройная правда — и тройной порог.
Поэты, этому верно верьте:

Ведь только об этом думает Бог —
О человеке,
Любви
И смерти.

Свой живой интерес к человеческой личности, к человеческой психологии, Гиппиус выразила еще более определенным образом в других стихах:

Как Бог хотел бы знать я все о каждом,
Чужое сердце видеть, как свое...
(«Идущие мимо»)

Когда же черт приходит соблазнять писательницу, он знает, насколько людские тайны занимают ее, а потому и говорит ей:

Хочешь в ближнего поглядеть?
Это со смеху умереть!
Назови мне только любого.
Укажи скорей, хоть кого,
И сейчас же тебя в него
Превращу я, честное слово!
(«Равнодушие»)

Конечно, слова: «Это со смеху умереть!» — не лестны для человеческого рода. Они типичны для многочисленных «мизантропических» высказываний Гиппиус, и мы еще к этому вопросу вернемся. Но вот пример стихов совсем другого порядка. Следующее стихотворение было написано в мае 1920 г., в Варшаве, когда Гиппиус, только что бежавшая из России, узнала о смерти своей старой няни, Дарьи Павловны Соколовой:

Она никогда не знала,
как я любил ее,
как эта любовь пронзала
все бытие мое.

Любил ее бедное платьё,
волос ее каждую прядь...
Но если б и мог сказать я,
она б не могла понять.

.....
Ни жалоб ко мне, ни укора...
Мне каждая мелочь близка,
над каждой я плачу, которой
касалась ее рука...

Не знала — и не узнает,
как я любил ее,

каким острием пронзает
любовь — бытие мое.

И, может быть, лишь оттуда, —
если она уже там, —
поймет любви моей чудо
она по этим слезам...

(«Оттуда?»)

Эти стихи — яркое доказательство того, что Гиппиус была способна нежно любить близких ей людей и умела просто и убедительно выразить эту любовь в своей поэзии. Но тут же следует заметить, что вышеприведенное стихотворение — фактически уникум в ее творчестве. Обыкновенно Гиппиус не выражала свою нежность к кому бы то ни было так открыто, как в данном случае. Можно даже сказать, что чем более «сентиментальна» была тема, тем отвлеченнее становилась форма, которую поэтесса давала своей лирике. Так, например, Гиппиус как будто не посвятила своей матери ни одного из своих опубликованных стихотворений. Между тем хорошо известно, что она свою мать нежно и горячо любила. Но на самом деле разве, скажем, следующее прекрасное и проникновенное стихотворение не могло быть написано ею с мыслью о матери, умершей за несколько лет перед тем?

Сегодня имя твое я скрою
И вслух — другим — не назову,
Но ты услышишь, что я с тобою,
Опять тобой — одной — живу.

На влажном небе Звезда огромней,
Дрожат — струясь — ее края.
И в ночь смотрю я, и сердце помнит,
Что эта ночь — твоя, твоя!

Дай вновь увидеть родные очи,
Взглянуть в их глубь — и ширь — и синь.
Земное сердце великой Ночью
В его тоске — о, не покинь!

И все жаднее, все неуклонней
Оно зовет — одну — тебя.
Возьми же сердце мое в ладони,
Согрей — утишь — утешь любя...

Стихотворение называется «Втайне», и в нем особенно заметно желание Гиппиус не выдавать своего секрета, сохранить для себя одной имя лица, вдохновившего ее в данную, как можно

понять, рождественскую ночь. Предположение, что это лицо — мать поэтессы — конечно, лишь одна из возможных многочисленных догадок. Отвлеченная лирика, именно, позволяла Гиппиус высказать захватившие ее душу чувства, но сделать это как бы извне, анонимно, избегая всякого рода «интимничанья». В этом отношении она ближе к классикам, чем к романтикам или некоторым своим современникам. Тэффи как-то написала о Гиппиус: «...все простое, милое, нежное, тепленькое всегда волновало ее, и волнение это она застенчиво прятала». Это, несомненно, правильное и проникательное суждение, хотя, в целом, Тэффи не очень любила Гиппиус и не всегда к ней бывала справедлива. Стыдливость чувств — важный элемент в творчестве Зинаиды Николаевны. Та же Тэффи подметила, что Гиппиус никогда не сказала в своих стихах — «я люблю» и что у нее фактически нет ни одного, обычного типа, любовного стихотворения. У нее имеются лишь «рассуждения о любви», т. е. опять все та же отвлеченная лирика. Но стоит прочесть, между прочим, письма Гиппиус к Д. В. Философову, чтобы убедиться, какой страстной была на самом деле натура писательницы.

И эта природная страстность, которую Гиппиус тщательно сдерживала и прятала, когда дело касалось выражения нежности, привязанности, любви, — словом, «добрых» чувств, — эта страстность выражалась гораздо свободнее во всякого рода «злых» — бичующих и самобичующих — стихах поэтессы. Вместо сдерживающего действия застенчивости, тут играл обратную, подстрекательную роль тот факт, что Гиппиус была, по складу ума, одаренным критиком и строгим, в известных областях, моралистом. Кроме того, в качестве писательницы и поэтессы она, конечно, не была «как все», а потому подчас чувствовала с особенной силой свою отчужденность от людей.

Именно чувство отчужденности от людей и характерно больше всего для первой фазы в эволюции темы «О человеке» в поэзии Гиппиус. Хорошим примером в этом отношении может служить стихотворение «К пруду», написанное в 1895 г., т. е. когда Гиппиус было лет двадцать пять, из которого приведем следующие строки:

Не осуждай меня, пойми:
Я не хочу тебя обидеть,
Но слишком больно ненавидеть, —
Я не умею жить с людьми.

Я знаю, с ними — задохнусь.
Я весь иной, я чуждой веры.

Их ласки жалки, ссоры серы...
Пусти меня! Я их боюсь.

Не знаю сам, куда пойду.
Они везде, их слишком много...

.....

Ограничимся лишь одним замечанием по поводу этого стихотворения. В связи с нашей темой особого внимания заслуживает первая строка: «Не осуждай меня, пойми...» Она, несомненно, выражает горечь автора по поводу того, что он не способен добиться большей духовной близости с окружающими его людьми. Это «Не осуждай меня...» трудно истолковать в каком-либо другом смысле. И тут-то как раз интересная особенность этого стихотворения Гиппиус. Дело в том, что тема отличия поэта от остальных, «обыкновенных» людей, конечно, никак не нова. Но обычно поэты приветствовали это различие и гордились им. Гиппиус же рассматривает свою нелюдимость как тяжкую вину и просит за нее прощения.

Та же мысль, а именно, что уединенье есть вина перед человечеством, выражена, например, в стихотворении «Соблазн», написанном в 1900 году:

Великие мне были искушения.
Я голову пред ними не склонил.
Но есть соблазн... соблазн уединения...
Его поныне я не победил.

Наконец, еще в 1916 г. Гиппиус писала в своем стихотворении «Страшное»:

А самое страшное, невыносимое, —
Это, что никто не любит друг друга...

Впоследствии отношение писательницы к людям сильно изменится, и мы коснемся причин и характера этого изменения. Но сначала следует подвести итоги того, что сказано выше. Главное заключение, в связи с интересующим нас вопросом, это то, что, по крайней мере до 1916 г., Гиппиус определенно не была мизантропкой. Вышеприведенные стихотворения — тому яркое доказательство. Мизантропия, конечно, несовместима с чувством раскаянья в своей нелюдимости.

Кроме того, и это также важно, «обличительные» стихи Гиппиус, принадлежащие к этому периоду, написаны подчас очень резко, но явно без злобы на человечество. При этом, обличая и высмеивая недостатки и ошибки своих ближних, писательница

ца никак не была снисходительнее к себе самой. К стихам, которые мы имеем в виду, прилагательное «обличительные», пожалуй, лучше подходит, чем термин «сатирические», потому что Гиппиус часто в них говорит с грустью и сожалением, а не с иронией. Вот, например, короткое стихотворение «В гостиной», написанное в 1901 году:

Серая комната. Речи не спешные,
Даже не страшные, даже не грешные,
НЕ умиленные, не оскорбленные,
Мертвые люди, собой утомленные...
Я им подражаю. Никого не люблю.
Ничего не знаю. Я тихо сплю.

Также типичным для этого первого периода эволюции темы «О человеке» в поэзии Гиппиус следует считать стихотворение «Только о себе». Оно более резкое, чем предыдущее, но и в нем заметно больше грусти, чем иронии или негодования и злобы:

Мы — робкие, — во власти всех мгновений,
Мы — гордые, — рабы самих себя,
Мы — веруем, — стыдясь своих прозрений,
И любим мы, как будто не любя.

Мы — скромные, — бесстыдно молчаливы,
Мы в радостях боимся быть смешны, —
И жалобно всегда самолюбивы,
И жизненно всегда разделены!

Мы думаем, что новый храм построим
Для новой, нам обещанной земли...
Но каждый дорожит своим покоем,
И одиночеством в своей щели.

Мы — тихие, — в себе стыдимся Бога,
Надменные, — мы тлеем, не горя...
О, страшная и рабская дорога!
О, смутная, последняя заря!

Это, конечно, очень суровая отповедь для той части русской интеллигенции, которая группировалась в начале века вокруг Мережковских, под именем «неохристиан», или «христиан Третьего Завета». Не всякий поэт был бы способен на такую пронизательность, такую искренность, такую объективность. И можно быть уверенным, что, когда Гиппиус пишет «мы», она действительно включает себя в состав обличаемых. Принято говорить о ее самовлюбленности, о ее спеси; и они были. Но не следует забывать, что, наряду с этим, Гиппиус была также подлинно скромна и очень строга в своих суждениях о себе самой. Как пра-

вило, ее самобичевание не уступает по силе критике ошибок и пороков других людей. Вот, для примера, стихотворение «Она», в котором в 1906 г. Гиппиус описала все темные стороны своей души. Модное в то время «декадентство», как видно, повлияло на форму стихотворения, но это не меняет сути стихов:

В своей бессовестной и жалкой низости,
Она как пыль сера, как прах земной.
И умираю я от этой низости,
От неразрывности ее со мной.

Она шершавая, она колючая,
Она холодная, она змея.
Меня изранила противно-жгучая
Ее коленчатая чешуя.

О, если б острое почувал жало я!
Неповоротлива, тупа, тиха.
Такая тяжкая, такая вялая,
И к ней нет доступа — она глуха.

Своими кольцами, она, упорная,
Ко мне ласкается, меня душа.
И эта мертвая, и эта черная,
И эта страшная — моя душа.

Приблизительно те же обвинения по отношению к самой себе можно найти и в корреспонденции Гиппиус, так что нельзя рассматривать вышеприведенное стихотворение как только литературное упражнение на модный «декадентский» лад.

Но война 1914 г., а затем и в еще большей степени большевистская революция сильно повлияли на психологию Гиппиус. В частности, резко изменилось ее общее отношение к людям. После этих событий открывается новая фаза в эволюции темы «О человеке» в ее поэзии. Тогда, действительно, станет подчас возможным обвинять Гиппиус в настоящей мизантропии, потому что ряд стихотворений этого периода будут выражать по отношению к людям глубокое презрение и подлинную ненависть. Вот вкратце основные причины этой перемены в душевном укладе писательницы.

Накануне Первой мировой войны Мережковские были убежденными пацифистами. Что касается, в частности, Гиппиус, то ее принципиальная оппозиция всякой форме войны ясно выражена, например, в следующем стихотворении:

Нет, никогда не примирюсь.
Верны мои проклятья.

Я не прощу, я не сорвусь
В железные объятья.

Как все, живя, умру, убью,
Как все — себя разрушу,
Но оправданием — свою
Не запятнаю душу.

В последний час, во тьме, в огне,
Пусть сердце не забудет:
Нет оправдания войне
И никогда не будет.

И если это Божья длань —
Кровавая дорога, —
Мой дух пойдет и с Ним на брань,
Восстанет и на Бога.

(«Без оправданья», 1916 г.)

Кроме пацифизма, который был в тот период важным элементом ее мировоззрения, у Гиппиус были еще и другие причины, чтобы всем своим существом противиться войне 1914 года. Не входя в подробности, следует напомнить, что она в какой-то степени частью предвидела, частью предчувствовала будущую революцию, как прямое последствие войны. На этот счет имеются интересные сведения в тетрадах 53 и 64 «Возрождения». Кроме того, приведем стихотворение «У порога», написанное в 1913 г., которым открывается третий сборник стихов Гиппиус:

На сердце непонятная тревога,
Предчувствий непонятных бред.
Гляжу вперед — и так темна дорога,
Что, может быть, совсем дороги нет.

Но словом прикоснуться не умею
К живущему во мне — и в тишине.
Я даже чувствовать его не смею:
Оно как сон. Оно как сон во сне.

О, непонятная моя тревога!
Она томительней день ото дня.
И знаю: скорбь, что ныне у порога,
Вся эта скорбь — не только для меня!

Как бы то ни было, когда большевики захватили власть, Гиппиус решила, что ее самые мрачные предчувствия осуществились. Уже 29 октября 1917 года она написала следующее исключительно резкое стихотворение, озаглавленное «Веселье!»:

Блевотина войны — октябрьское веселье!
От этого зловонного вина,
Как было омерзительно твоё похмелье,
О бедная, о грешная страна!

Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном
Народ, безумствуя, убил свою свободу
И даже не убил — засек кнутом?

Смеются дьяволы над рабьей свалкой,
Смеются пушки, разевая рты...
И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь!

Вообще, не следует забывать, что, по свидетельству покойного С. К. Маковского, который написал одно из лучших по сей день исследований о Гиппиус, у нее политических стихов было «больше, чем у кого-либо из русских поэтов, включая Хомякова и Тютчева» («На Парнасе серебряного века», с. 97). В отношении тематики большинство этих стихов можно разделить на две группы. К одной принадлежат сильно полемические стихотворения, в которых Гиппиус резко обличает большевиков, поправших свободу, а также и русских людей вообще, допустивших, чтобы у них свободу отняли. Вторую группу составляют стихотворения, в которых поэтесса выражает свою поистине безграничную грусть о потерянной родине, как, например, в своем прекрасном и патетическом стихотворении «Отъезд»:

До самой смерти... Кто бы мог подумать?
(Сани у подъезда, вечер, снег.)
Знаю. Знаю. Но как было думать,
Что это до смерти? Совсем? Навек?

Молчите, молчите, не надо надежды
(Вечер, ветер, снег, дома...)
Но кто бы мог подумать, что нет надежды...
(Санки. Вечер. Ветер. Тьма.)

На самом деле эти несколько кратких замечаний о политических стихах Гиппиус относятся прямым образом к теме настоящей статьи. Политические стихи поэтессы ясно отражают моральный сдвиг, происшедший в ней под влиянием войны и революции. Сцены пошлости, грубости, подлости, жестокости, которых ей тогда пришлось быть свидетельницей, довели ее презрение к людям до последнего предела. Потеря же страстно любимой родины окончательно озлобила ее. В результате в эволюции темы «О человеке» в поэзии Гиппиус наступила другая

фаза, охарактеризованная подчас подлинной мизантропией. Примером тут может служить стихотворение «Наставление», форма которого явно напоминает знаменитый тютчевский «Силентиум».

Молчи. Молчи. Не говори с людьми,
Не подымай с души покров.
Все люди на земле — пойми! пойми! —
Ни одного не стоят слова.

Не плачь. Не плачь. Блажен, кто от людей
Свои печали вольно скроет.
Весь этот мир одной слезы твоей,
Да и ничьей слезы не стоит.

Таись, стыдись страданья твоего.
Иди — и проходи спокойно.
Ни слов, ни слез, ни вздоха, — ничего
Земля и люди недостойны.

А ведь еще, казалось, так недавно Гиппиус винила себя в том, что она недостаточно близка к другим людям! Так недавно тоже она писала, как мы знаем, в стихотворении «Страшное»:

А самое страшное, невыносимое, —
Это что никто не любит друг друга...

Теперь же:

Все люди на земле — пойми! пойми! —
Ни одного не стоят слова...

Контраст между двумя двустихиями поистине разительный. Таким образом, справедливо было говорить об эволюции общей основной темы «О человеке» в поэзии Гиппиус.

В заключение приведем следующее короткое, но очень выразительное стихотворение, которое Гиппиус написала уже под конец своей жизни:

Как эта стужа меня измаяла,
Этот сердечный мороз.
Мне бы заплакать, чтоб сердце оттаяло,
Да нет слез...

(«Стужа»)

Значит, даже тогда, когда поэтесса как будто окончательно разочаровалась в людях и писала, что: «Ни слов, ни слез, ни вздоха, — ничего / Земля и люди недостойны» — даже тогда она все же нуждалась в их душевной близости и мучилась своим

одиноким. Выходит, что даже в последней фазе эволюции, о которой шла речь в этой статье, мизантропию Гиппиус следует принимать лишь с некоторыми существенными оговорками. Ум подчас подсказывал писательнице, что она должна быть «злой», сердце же всю жизнь тайло большой запас не высказанной до конца нежности.

Сложным явлением была, и как человек, и как писатель, Зинаида Николаевна Гиппиус. О ней меньше, чем о ком-либо, подбавляет говорить «вообще». Ее творчество надлежит изучать по частям, методично и внимательно, дабы не запутаться в его видимых и подлинных противоречиях. Но оно того стоит.

